

УДК 101.1:316.773.2

ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ Ч.С. ПИРСА ДЛЯ ФИЛОСОФИИ КОММУНИКАЦИИ

Н.А. Лукьянова

Томский политехнический университет

E-mail: Lukianova@tpu.ru

Приведен анализ философских идей американского исследователя Ч.С. Пирса в контексте проблем философии коммуникации. Подчеркивается, что значение идей Ч.С. Пирса в исследовании коммуникативных процессов определяется тем, что он одним из первых поставил вопрос о процессуальности мира и знака в нем. Сегодня открытия Ч.С. Пирса в логике и семиотике видятся в новом свете, как первый шаг к пониманию процессуальной природы знака при определении способа «жизни» знака в коммуникациях.

Ключевые слова:*Знак, динамика знака, интерпретанта, семиозис, коммуникации, философия коммуникации.***Key words:***Sign, sign dynamics, interpretant, semiosis, communication, philosophy of communication.*

Сегодня коммуникация является важнейшим инструментом изменений и управления в жизни современного человека. В силу сказанного современные коммуникации становятся основанием для постановки новых проблем философской мысли. Заметим, что философия последнего столетия была тесно связана с исследованиями по проблемам коммуникаций, что связано, в первую очередь, с революционными изменениями в сфере коммуникационных технологий, повлекшими социокультурные изменения. Современная философия коммуникаций направлена на поиск точки соприкосновения, позволяющей объяснить как возможно наше со (существование). В таком контексте коммуникативистика заявляет себя как основа, сущность бытия [1. С. 19].

В настоящей статье анализируются идеи американского философа XIX – начала XX вв. Чарльза Сандерса Пирса с позиции философии коммуникации. По словам И.Э. Клюканова, «коммуникативистика пытается объяснить, как осуществляется (со) общение, т. е. в определенном смысле как (со) существуют физика и метафизика ...В этом плане коммуникативистика – одновременно самая практичная и самая идеалистичная дисциплина» [1. С. 19].

Для западной научной мысли конца XIX в. (особенно это было заметно в американской философии) все большей ценностью становился жизненный и практический успех человека. Именно введение концепта «человек» в философию прагматизма положило начало переосмыслению места человека в мире. Прагматизм отличается многообразием вариантов, объединенных приверженностью эмпиризму и опыту, толкуемому прежде всего не в плане созерцательного теоретического отношения к миру, а в контексте активной деятельности человека. Перед ним открывалось широкое поле возможностей, при этом человек теперь мог не просто самостоятельно выбирать цели и способы их достижения, но и отвечать за последствия своего выбора. В начале XX в. прагматизм приобретает широкое влияние в области философии.

В этот период Ч.С. Пирс, У. Джеймс, О.У. Холмс (в рамках работы Метафизического клуба в 1872 г.) сформировали ядро сходных философских тем, получившее впоследствии название «прагматизм».

Прагматизм был мозаичен с самого начала. Идеи наиболее выдающихся ученых этого направления (Ч.С. Пирс, У. Джеймс и Дж. Дьюи) почти не пересекались в основной массе работ. Значение ключевых идей прагматизма для целей данного исследования заключается в тезисе, с которым, в сущности, согласны все прагматисты. Природа – «это «поток», который не является «хаосом», но представляет собой пространство изменяющихся процессов, позволяющее обнаружить достаточно регулярные структуры, ни одна из которых не является безусловно инвариантной и не исключает возможности перемены» [2. С. 87].

В многообразии направления прагматизма фигура Ч.С. Пирса (1839–1914) занимает особое место. Он в большей степени остается в рамках кантианской и посткантианской традиции. При этом ученый считал, что его теория более идеалистическая по духу. В попытке отделить свои исследования от популярных работ У. Джеймса он «придумал» термин «прагматизм» (*pragmaticism*), чтобы подчеркнуть их отличие от «прагматизма» (*pragmatism*) У. Джеймса. В то же время его взгляды были крайне противоречивы, поскольку, с одной стороны, идеалы религии все еще оказывали на них существенное влияние, а с другой стороны, Пирс отталкивался от понятия опыта человека, именно человек становился для него центром познания мира.

Наиболее важный вклад Ч.С. Пирса в философское наследие – это его нормативное описание объективного исследования, учение о категориях и теория знаков. Однако нельзя не признать, и это подчеркивается в работах современных исследователей наследия Ч.С. Пирса, что он был философским гением, владевшим материалами логики, математики, науки и философии. Подчеркнем, что потрясающее многообразие тем, интересовавших его, само по себе представляет ценность для ученого. Доказательством тому служит международное

сообщество научных исследователей, интересующихся этим американским философом.

Без сомнения, Ч.С. Пирс был наиболее ярким исследователем конца XIX — начала XX вв. Он активно интересовался проблемами естественных наук, что, безусловно, стало основой его нетривиальных исследований. Его работы по логике и математике имели огромное значение для формирования основ математической логики.

Различные ветви исследований Ч.С. Пирса классифицируются в соответствии с тремя наиболее широкими областями теоретического познания. Ч.С. Пирс «помещал философию между математикой, к которой он относил наиболее абстрактные виды теоретического исследования, и менее абстрактными сферами познания (например, физикой, химией, биологией и психологией) [3. С. 122]. Целью процесса познания для Ч.С. Пирса стало устранение сомнения в том или ином положении вещей с целью достижения уверенности, выражающей себя в определенных правилах действий с вещью. Уникальную роль знаковых систем Ч.С. Пирс видел в том, что абстрактная основа знака и есть необходимое условие существования логики и мышления в процессе познания. Одним из первых он описал функцию знака как посредника в познавательном процессе, подчеркнув, что процесс познания обусловлен нашими интересами. В этом специфика познания человеком мира. Исследователь обращался не к собственно знаку, а к динамике знака, в которую человек включен в качестве неотъемлемого элемента.

Именно знак стал краеугольным камнем всех работ Ч.С. Пирса. Для целей нашего исследования важнее всего изыскания Пирса в области семиотики, которые неотделимы от его философских взглядов. Различные версии философии Ч.С. Пирса находят отражение в семиотической интерпретации трансцендентальной философии И. Канта (К.-О. Апель); в интерпретации текстов культуры и в теории коммуникации (У. Эко); в современной лингвистике (Р. Якобсон, Ч. Моррис, М. Шапиро). Поэтому, «протягивая нить» от Пирса к проблемам современной культуры, мы обращаемся к его открытиям, связанным с исследованием статуса знака в коммуникативных процессах.

Как логик, Ч.С. Пирс, несомненно, стремился найти обоснование закономерности движения знака. Когда мы говорим о теории знаков Ч.С. Пирса, мы, прежде всего, обращаемся к способности человека выражать свою мысль посредством знаков. В 1989 г исследователь творчества Ч.С. Пирса У. Перси (Walker Percy) подчеркивал в лекциях, что в своей теории знака Ч.С. Пирс заложил основу понимания человека человеком, но человека не с точки зрения физиологии, а «*man qua man, man when he is peculiarly human*» [4]. Таким образом, в своих исследованиях Ч.С. Пирс стремился к гносеологической всеобщности и метафизической универсальности, именно в этом мы видим значимость работ Пирса для исследования проблем, воз-

никающих в современной философии коммуникации.

Выводы, сделанные Пирсом в области логики, отсылают нас к семиотическому преобразованию трансцендентальной философии, как ее рассматривает К.-О. Апель. Ч.С. Пирс фиксирует связь реальности и познания: с одной стороны, реальность предшествует познанию, а с другой — реальность конструируется в процессе познания. Тем самым, исследователь обращается к познавательной практике субъекта с позиции триадической логики интерпретации знака. Значение идей Ч.С. Пирса в том, что еще задолго до того, как была выяснена недостаточность синтактико-семантической логики, он подготовил трехмерный базис для семиотической логики науки [5. С. 171–192]. Ч.С. Пирс вводит понятие «совершенная триада». Исследователь устанавливает логические отношения внутри знака, но свои рассуждения строит на движении мысли.

Итак, когда мы говорим о теории знаков Ч.С. Пирса, мы, прежде всего, обращаемся к способности человека мыслить и опосредовать свою мысль знаком. Знак, в трактовке Ч.С. Пирса, является сложной и многогранной категорией. В своих рассуждениях Пирс придерживался «пансемиотического» взгляда на мир («всякая мысль есть знак» [6. С. 182.]). Подобный пансемиотический взгляд является основой знаменитого утверждения Ч.С. Пирса о том, что всё имеет семиотическую природу: мышление, познание и даже сам человек. Ч.С. Пирс стремился найти семиотическое «единство согласованности», иллюстрируя свою мысль следующим высказыванием: «Подобно тому, как мы говорим, что тело находится в движении, а не движение в теле, мы обязаны сказать, что мы находимся в мысли, а не мысли в нас» [5. С. 183]. Для Ч.С. Пирса согласованность представляется как принадлежность любого знака в той степени, в какой знак представляет собой знак. В силу этого, сделан вывод, что в сознании человека нет такого элемента, которому не соответствует нечто в слове. Исходя из этого утверждения, можно сделать вывод о том, что результаты мысленного эксперимента должны пройти проверку в процессе коммуникации, только так устанавливается истина. Значение наших мыслей содержится в тех привычках действиях, которые они создают.

По утверждению Ч.С. Пирса знак или слово, употребляемые человеком, есть лишь орудие мысли, определяющее самоидентичность человека. Эта идея стала главной для обоснования теории о семиотическом единстве согласованности интерпретаций. Единство мысли зависит от того, что она обладает потенциальностью существования в будущей мысли сообщества. На этом основании Ч.С. Пирс разработал сложную логическую систему типов знаков и сосредоточился на установлении логических отношений внутри знака, при этом основой его рассуждений становится динамика мысли, получившая воплощение в разнообразных

формах знака. Он подчеркивал, что любое мышление имеет знаковый характер, фактически для Ч.С. Пирса человек есть существо, производящее знаки посредством семиозиса. Исследователь выводит три типа знаков из знаковых отношений (семиозиса), которые являются трансцендентально заданными для его философии. Само знаковое отношение ученый рассматривает следующим образом: знак есть нечто, которое представляет для интерпретатора другое в определенном отношении или качестве.

Подчеркнем, что семиотика Ч.С. Пирса строится на понятии знака, однако предметом пирсовской семиотики являются не собственно знаки и их сущность, а процесс семиозиса как процесс становления знака в коммуникации. Тем самым *семиозис* представляет собой процесс озн²чивания, соотношение объекта и некоторого ментального представления.

На основании вышесказанного выделим четыре базовые положения в концепциях Ч.С. Пирса, которые позволяют раскрыть значимость его идей для постановки проблем философии коммуникации.

Первое положение. Мы достаточно подробно остановимся на триадичной природе знака Ч.С. Пирса в том описании, которое было им дано в последние годы жизни, с целью четкого определения триадичной природы знака, рождающей многообразие интерпретант. Кроме того, в этом описании особое внимание будет уделено исследованиям У. Эко, который анализирует коммуникативные процессы в контексте триадичной природы знака Ч.С. Пирса.

В соответствии с феноменологией и пансемиотическим взглядом на универсум Ч.С. Пирсом была задана структура знака, которая, в отличие от сосюрровской «диады», представляет знак как триадическое отношение репрезентамена, объекта и интерпретанты. Знак у Ч.С. Пирса, прежде всего, мыслительная сущность, имеющая функционально связанное единство.

Для Ч.С. Пирса репрезентамен, как подчеркивает У. Эко, — это знак, который получает свою интерпретанту в конкретном процессе коммуникации, и знак, который к моменту вхождения в коммуникацию уже обладает некоторым типовым выражением (*type-expression*), а в процессе коммуникации соотносится в данной культуре с тем или иным содержанием (*a type-content*). Итак, остановимся на следующем определении репрезентамена: это знак (*sign*), который получает собственную интерпретанту в конкретном процессе коммуникации, при этом обладает некоторым типовым значением в культуре. Например, «цвет» всегда является цветом чего-либо, но собственную интерпретанту «цвет» приобретает только в соотношении с объектом.

Объект мы определяем как то, что знак «репрезентирует». Объект может быть материальным (вещь, класс вещей), мыслимым или воображаемым. При этом, как указывает У. Эко, нет никаких

оснований утверждать, что под «объектом» Ч.С. Пирс подразумевал некую конкретную вещь [5. С. 300]. Объектом в интерпретации Ч.С. Пирса мог быть воображаемый мир, определенный предмет или некоторая индивидуальность, которую нельзя соотнести ни с какими общими категориями. Таким образом, объект представляется как некоторая идея, «ментальная репрезентация», которая нуждается в представлении.

Интерпретанта (интерпретант) представляет собой результат действия знака, «нечто, что производится в сознании интерпретатора», то есть в классическом понимании интерпретанту можно заменить понятием значения, что в нашем случае принципиально и важно для дальнейших рассуждений. Интерпретанта есть соотнесенность знака с его «эффектом», имеющим не только знаковую природу. Интерпретанта подразделяется на несколько видов: непосредственная, динамическая и финальная интерпретанта.

Непосредственная интерпретанта — это интерпретанта, какой она «обнаруживается в самом знаке» [7. С. 15]. Это некоторое схватывание системного, социально нормированного содержания интерпретируемого знака. Непосредственная интерпретанта указывает на определенное свойство знака, согласно которому интерпретируемость существует еще до того, как знак достиг интерпретатора.

Динамическая интерпретанта — это «фактическое действие знака», то действие, которое происходит в самом акте интерпретации [7. С. 15].

Финальная (нормальная, эвентуальная, или последняя) интерпретанта и концепция динамического объекта тесно связаны, поскольку, по сути, это два аспекта одного знания. Следовательно, конечной интерпретантой становится «целенаправленно (*deliberately*) формируемый результат, который собственно знаком не является, поскольку это тот результат интерпретации, которого должен добиться каждый интерпретатор, если только знак достаточно исследован» [7. С. 15]. Как отмечает Ч.С. Пирс, «окончательной интерпретантой является то, что было бы признано, в конце концов, истинной интерпретацией». Интерпретанта в этом случае становится не только значением какого-либо термина, а некоторым результатом мыслительных процессов по поводу знака. Знак, следовательно, является своеобразной «матрицей» для создания текстов культуры в процессах коммуникации.

Второе положение — три трихотомии знаков: а) знак сам по себе, знак как монада; б) знак в диалектическом отношении к его объекту и в) знак как триадическое отношение репрезентации объекта в интерпретанте [7. С. 18–19].

Основа пирсовской классификации знака и краеугольный камень его философии (фанероскопии) — три трихотомии знака в связи с категориями бытия и познания: «Первичность» (*Firstness*), «Вторичность» (*Secondness*) и «Третичность» (*Thirdness*). Подчеркнем, что выделение структурных категорий бытия и познания дает основание говорить о

Ч.С. Пирсе не только как о позитивисте. Определенные им «три универсальных категории, или фанероны, — это общая совокупность всего, что <...> является наличным (*is present to*) сознанию, совершенно независимо от того, соответствует ли наличное какой-либо реальной вещи» [6. С. 7].

Итак, в философии Ч.С. Пирса выделяются три фанерона (универсальные категории): Первичность, Вторичность и Третичность. *Первичность* Ч.С. Пирс трактовал как «способ бытия того, что есть, как оно есть», то есть это категория Непосредственного, чистой возможности, «еще не дифференцированного качества и независимости» [7. С. 18–19]. Таким образом, Первичность можно рассматривать как «качество в возможности». На этом уровне объекты не определяются, но их можно идентифицировать. Ч.С. Пирс рассматривал данный фанерон как необходимую, но недостаточную предпосылку опыта, порождающую самые разнообразные идеи, воплощенные в чистые формы знака.

Вторичность — это «бытие в отношении ко второму. Это категория Другого» [8 С. 262–263]. Если фанероны (или феномены) Первичности содержат чистые возможности, то феномены Вторичности относятся к миру фактов. Следовательно, Вторичность — это уровень существования вещей, когда можно увидеть вещи и отношения в их множественности и индивидуальности. Это идея, воспринимаемая исключительно посредством «отношения к...», через существующую оппозицию, факт соотношения с иной реальностью. Свободной игре духа противостоит «сопротивление действительности», что обеспечивает устойчивость и постоянство наших восприятий.

Третичность устанавливает отношения между первым и вторым. «Эта категория всеобщего, закономерного, непрерывного, обычного, коммуникации и, наконец, знака» [8. С. 263]. Ч.С. Пирс определял Третичность как уровень определения закономерностей, в котором устанавливаются общие связи внутри знаков для вхождения закона в реальность.

Итак, категории для Ч.С. Пирса — это живой процесс знакопорождения — семиозис, который становится основой языка, захватывает всю сферу человеческого опыта, превращает в знак самого человека. В силу этого, для Ч.С. Пирса предметом размышлений становятся отношения между вещами. Принцип Троицы Ч.С. Пирса мыслится как универсальная и подвижная категория репрезентации, дополняющая Первичность и Двоичность [6. С. 175–176]. Феноменологически Троица (или в другой терминологии Третичность — Н.Л.) представлена триадой, которая в реальности становится законом качества или факта. Это интеллектуальное измерение (ипостась) реальности, в котором сущности, универсалии упорядочены в любые множества.

Прежде чем приступить к рассмотрению классификации знаков Ч.С. Пирса, обратим внимание

еще на один принципиальный момент. Как правило, исследователи апеллируют к более известному делению знака на иконический, индексальный и символический знаки. Данное определение было предложено Ч.С. Пирсом в 1867 г., мы же обращаемся к более поздним выводам Ч.С. Пирса (период 1884–1914 гг.), поэтому рассматриваем не только отношение знака к объекту, но и к самому себе и интерпретанте.

В классификации Ч.С. Пирса знаки объединяются в девять подклассов, которые наглядно демонстрируют взаимосвязь трех трихотомий знаков. По определению Ч.С. Пирса, подклассы формируются на основе трех трихотомий знака в их связи с категориями Первичности, Вторичности и Третичности, рассмотренными выше. С категориальной точки зрения, знаки могут иметь природу явления, могут быть индивидуальными объектами и являться знаками общей природы. Разница в том, что в категории Третичности знаку присуща определенная самоидентичность, допускающая большое разнообразие проявлений. Знак в Первичности не имеет никакой самоидентичности. Это просто качество явления, которое уже через мгновение может быть совсем не таким, как прежде.

Девять подклассов (или форм — Н.Л.) знаков мы рассматриваем в связи с категориями бытия и познания. На этих этапах демонстрируется возможность знака перейти из неопределенности существования к норме, устанавливающей закономерности присутствия знака в коммуникациях. Это есть последовательность устранения раздражения, вызванного сомнением. Переход к верованию, сущность которого заключается в установлении привычки. Первый этап — возможность существования знака в действительности: качественный знак, иконический знак, рема; второй этап — существование знака в действительности: единичный знак, индекс, суждение; третий этап — установленные нормы, по которым существует знак в реальности: общий знак, символ, умозаключение.

Таким образом, знак представляет собой триадическое отношение, в котором связаны три коррелята (трихотомия): знак в узком смысле слова — репрезентант, объект, к которому отсылает знак, и интерпретант. Каждый знак производит значение (интерпретанту, в терминологии Ч.С. Пирса), которое, в свою очередь, является знаком (репрезентантом в терминологии Ч.С. Пирса) для следующего знака. Это есть динамический процесс интерпретации — семиозис, который оказывается «последовательным рядом интерпретантов» [7. С. 14]. Важно подчеркнуть, что Ч.С. Пирса интересует в большей степени процесс семиозиса, означивания, то есть более динамические аспекты презентации знака в действительности, нежели установление внутри знака статических отношений. Он рассматривает *динамику знака как внутренний механизм его существования*. В Первичности знак существует в силу самого себя, он не зависит ни от чего, это чистое свойство знака быть знаком.

Во Вторичности выстраивается отношение к «первому», это отношение между знаком и объектом, но без любого восприятия отношения, это отношение между «законом природы» и случаями к которым этот закон применим. Таким образом, на первом шаге знак латентно существует в коммуникациях, но для того, чтобы проявиться, он (знак — Н.Л.) должен перейти во Вторичность. Третичность определяется как категория общности, рациональности и правильности в договоренности, то есть смысл знака в Третичности носит договорной характер. Пирс настаивает, что знак возникает только с появлением интерпретанта, что связано с бесконечным процессом означивания.

Именно интерпретация, или «интерпретирующая мысль», по Ч.С. Пирсу, является необходимым условием знаковости, но значение, которое предполагает существование человека в качестве интерпретатора, рассматривается нами в контексте английского глагола «*signify*» — «означивать», «указывать». Подчеркнем, что важнейшей функцией знака в процессе семиозиса является функция означивания. Один знак означивается с помощью другого знака, тем самым создается интерпретанта, которая, в свою очередь, будет знаком для следующего знака и т. д.

В этой связи, важным является введение внутрь процесса субъекта, который и делает процесс семиозиса возможным. Это может быть человек или иная интерпретирующая мысль. Интерпретанта, как мы замечали выше, имеет более широкий и сложный смысл, чем тот, который мы привыкли вкладывать в понятие «значение», как более привычное определение, связанное с глаголами «интерпретировать», «проинтерпретировать», «истолковать» и др. Под *значением* чего-либо мы будем понимать весь спектр возможных интерпретант. Именно динамический процесс интерпретации знака (семиозис) и его центральная функция (означивание) делают семиотическую теорию Ч.С. Пирса значимой для постановки проблем философии коммуникаций. Мышление, природа которого, согласно Ч.С. Пирсу, коммуникативна, рассматривается как деятельность посредством знаков. Из этого вывода следуют два важных обстоятельства. Первое: человек не есть абсолютно индивидуальное существо. Второе: круг отношений (коммуникации) человека делают его личностью. Семиозис — это динамический процесс интерпретации знака, происходящий при участии интерпретирующего субъекта, который представляет собой единственно возможный способ функционирования знака в коммуникациях. Это бесконечный процесс, в котором интерпретанты создаются постоянно. Тем не менее, последователь Ч.С. Пирса Ч.У. Моррис разывает семиозис на три фрагмента («измерения»), делая каждый из них предметом особой семиотической дисциплины — синтактики, семантики и прагматики.

Нужно отметить, что именно научные труды Ч.У. Морриса открыли значимость Ч.С. Пирса для

семиотики. Однако ориентация Ч.У. Морриса на бихевиоризм приводила его к абсолютно противоположным выводам, что вводило в заблуждение многих исследователей творчества Пирса, поскольку Ч.У. Моррис сводил участие человека в процессах семиозиса исключительно к поведенческим реакциям. Получалось, что любой участник семиозиса не просто воспринимает информацию, а реагирует на нее исключительно с точки зрения получения выгоды. Кроме того, Ч.У. Моррис, разделив процесс семиозиса на три составляющие, сосредоточился отдельно на каждой из них, не определив их взаимозависимость и принципы единства в семиозисе. Он же дал крайне противоречивое определение синтактике. Что значит изучать «отношение знаков друг к другу»? Где мы должны его находить — в языке или в речи? А можно ли вообще изучать знаки, взятые сами по себе, как утверждал Ч.У. Моррис, «независимо от их отношений к объектам или интерпретаторам» [9. С. 48]? Это вывело синтактику за поле научных исследований, в дальнейшем, по сути, синтактика была поглощена семантикой.

Тем не менее, гипотеза о трехмерном бесконечном семиозисе стала третьим базовым основанием в концепциях Ч.С. Пирса, позволяющим говорить о значимости его идей для проблем философии коммуникаций.

Наибольшую известность Ч.У. Моррису принесла его книга «Основания теории знаков» (*Foundations of the Theory of Signs* (1938), где он разработал теорию человеческого поведения в терминах его реакций на знаки. Эта работа стала основным трудом, развивающим положение Ч.С. Пирса о «процессе, в котором нечто функционирует как знак» [9. С. 48]. Ч.У. Моррис разделял точку зрения Ч.С. Пирса о триадической природе знака и предложил выделить разделы семиотики — синтактику, семантику и прагматику.

Заметим, что дефиниции «семантика», «синтактика» и «прагматика» рассматриваются нами не в лингвистической традиции (лингвистическая семантика изучает отношения между различными означаемыми, но включает в себя также и прагматические задачи и некоторые другие, которые трудно сформулировать в классических терминах семиотики. Синтактикой в лингвистическом понимании называют сочетаемость знака с другими знаками, не обусловленную значениями [10. С. 29, 31]), а как категории символической логики, представителями которой являются Ф.Л.Г. Фреге, Б. Рассел и А.Н. Уайтхед.

В символической логике *прагматика* рассматривается как раздел семиотики, изучающий отношения между знаковыми системами и теми, кто воспринимает, интерпретирует и использует их.

Семантика, или *семантика логическая*, — это раздел логики (металогики), исследующий отношение языковых высказываний к обозначаемым объектам и выражаемому содержанию.

Синтактика, соответственно, понимается нами как раздел семиотики, исследующий структурные

свойства систем знаков, правила их образования и преобразования в отвлечении от их интерпретации [11].

В этом делении синтактика изучает формальные, или структурные, отношения между знаками (отметим, что логический синтаксис рассматривает типы знаковых сочетаний, которые преобладают в науке, не затрагивая лингвистические конструкции); семантика — отношение знаков к тому, что они замещают; а прагматика — отношение знаков к интерпретаторам. Таким образом, для целей нашего исследования трехмерный семиозис Ч.С. Пирса имеет особое значение, поскольку в нем акцентируется динамический и триадический характер знака, что повлекло становление «трехмерной семиотики».

Итак, в своем исследовании мы обращаемся к триадической модели знака Ч.С. Пирса на том основании, что именно в работах Ч.С. Пирса изучается динамика знака. Базовые основания концепции Ч.С. Пирса — теория интерпретант и теория семиозиса — позволяют дать следующее определение знака: это триадическое отношение, вызывающее динамический процесс интерпретации (семиозис), посредством которого в коммуникациях создаются знаки и/или связываются значения со знаками.

Важнейшим выводом семиотики Пирса является то, что в ее основе лежит ориентация на процесс. Поскольку «всякая мысль есть знак», она сама должна быть адресована какой-то другой мысли, влиять на нее, ибо в этом сущность знака. Тем самым раскрывается динамика знака как процесс перехода его от одной формы (классы знаков) к другой. При этом исследование знаков у Ч.С. Пирса ориентировано на его категории, что проявилось в разнообразных классификациях интерпретант, а также в детальных классификациях знаков, которые эксплицитно основаны на определенных категориях. Таким образом, теория интерпретант Ч.С. Пирса непосредственным образом связана с его концепцией существа познания. Это есть четвертое положение в концепциях Ч.С. Пирса, определяющее значимость его идей для философии коммуникаций.

Ч.С. Пирс предложил две классификации интерпретант, однако обоснование данных классификаций в трудах Ч.С. Пирса не зафиксировано. В первой классификации интерпретанты делятся на эмоциональные, энергетические и логические. На основании выводов, сделанных Ч.С. Пирсом о последовательности прояснения значения (как процессе устранения раздражения, вызванного сомнением), можно говорить о том, что основанием данной классификации, с нашей точки зрения, является функция интерпретанты в акте коммуникации, то есть та работа, которую производит интерпретант в процессе осмысливания. Эмоциональная интерпретант в акте коммуникации производит эмоции, которые есть основания сомнения в правилах действий. Функция энергетической ин-

терпретанты состоит в определении способа действий (например, действие солдат в ответ на команду «Равняйся!»). Обретение верования в отношении вещи осуществляет логическая интерпретант. Функция этой интерпретанты заключается в том, что она играет ключевую роль в некотором рациональном процессе (например, в политической дискуссии). Достигается уверенность в определенных правилах действий с вещью. Следовательно, возникает понимание практического значения возможных следствий относительно объекта мысли.

Согласно второй классификации интерпретант, которая была кратко рассмотрена выше, интерпретанты делятся на непосредственную, динамическую и финальную. Мы полагаем, что основанием для данной классификации является установление уровня степени ясности значения (некоторый результат), достигаемый в акте коммуникации. Ч.С. Пирс выделяет три степени ясности. *Первая* степень ясности — имплицитное знакомство, что соответствует непосредственной интерпретанте. Это вид перевода знаков в некоторую устойчивую переводимость, она означает возможность, но далеко не абстрактную. *Вторая*, логическое определение, соответствующее динамической интерпретанте, как любое следствие, действительно производимое знаком как таковым. Для ясности знак переводится от молчаливого знакомства к эксплицитному определению логического характера, то есть определению роли данной интерпретанты в акте коммуникации. *Третья* степень ясности, прагматическое прояснение, соответствует финальной интерпретанте. Это следствие, которое знак произвел бы после размышления, что означает прагматическое прояснение реальности, способность интерпретанты воздействовать на партнера по коммуникации.

Итак, ключевым отличием первой классификации интерпретант от второй является то, что они классифицированы по различным основаниям. Основанием для первой классификации служит принцип функционирования знака в коммуникациях (эмоциональный, энергетический, логический). Основанием для второй классификации является результат данного процесса (некоторое состояние, которое наступило в результате коммуникативного акта), то есть определяется форма интерпретанты, возникающая в коммуникативном акте.

Отметим, что в традиции Ч.С. Пирса знак рассматривается в многообразии форм в пространстве как медиум коммуникаций, однако сами коммуникации, то есть коммуникативная функция языка, не стали предметом его исследования. Ч.С. Пирс рассматривал семиотику как способ познания действительности посредством знака, поскольку человек, совершая какие-либо действия, вынужден опосредовать их с помощью знака, не обращаясь при этом к исследованию процессов коммуникации, в которых рождается знак и раскрывается его сущность.

Таким образом, мы делаем вывод о роли семиотической теории Ч.С. Пирса в становлении современной философии коммуникации. В своих рассуждениях мы опираемся на вывод о том, что исследования Ч.С. Пирса в области знаков направлялись тремя убеждениями [3. С. 144–145]. *Во-первых*, он был убежден, что мышление всегда протекает в форме диалога, следовательно, знаки это обязательные посредники не только в межличностной, но и в рефлексивной коммуникации. Они есть инструменты мысли и речевого общения. *Во-вторых*, Ч.С. Пирс утверждал, что мысль неотделима от способов своего выражения, то есть она получает свое семиотическое воплощение в коммуникативном акте. *В-третьих*, исследователь считал, что сознание и разум не наделяют знаки жизнью, само действие знаков (динамика знака, описанная выше) есть знак жизненности мысли в коммуникациях.

Из вышесказанного проистекает существенный для целей нашего исследования вывод: в коммуникативном акте каждый знак способен порождать интерпретанту, и этот процесс фактически бесконечен, как неограничен процесс семиозиса. Именно семиозис есть сердцевина пирсова учения о знаках. Парадигма категорий третичности влечет за собой триадичное отношение, порождающее мир интерпретант в коммуникациях, которые в исследованиях Ч.С. Пирса также классифицированы.

Мир интерпретант многообразен, поскольку один знак может порождать множество интерпретаций — как любая палка, которая лежит на дороге и может стать источником тепла, произведением искусства или орудием преступления. А.А. Гусейнов отмечает: «Средство есть сама деятельность в ее предметности, поскольку она управляется и направляется целью. Цель и средство (средства) — соотносительные понятия. Лежащая на земле палка является просто палкой. Она становится средством

тогда, когда человек решает воспользоваться ею, чтобы сбить висящее на дереве яблоко. Желание сбить висящее на дереве яблоко является просто желанием, игрой воображения. Оно становится целью тогда, когда человек берет лежащую на земле палку для того, чтобы осуществить это желание» [12]. Это и есть процесс интерпретации, целью которого является устранение раздражения, причиненного сомнением. Различие между интерпретантами связано с целью их создания, а не с тем «материалом», который лежит в основе их создания. При этом знак существует в коммуникациях посредством указания на участников коммуникации, а именно, интерпретатора, реципиента, в уме которого создается интерпретанта на основе данного в коммуникации «тела знака», который реципиент интерпретирует, соотнося со своим опытом. Все вышесказанное позволяет нам рассматривать семиотическую концепцию Ч.С. Пирса как методологическое основание философии коммуникации.

Завершая анализ исследовательской стратегии Ч.С. Пирса, отметим, что суть его концепции в том, что он рассматривает отношения между любыми предметами как знаковые (например, стол может рассматриваться как знак человека, за которым сидел последний). Жизнь мысли для него неотделима от способов своего выражения. Такие отношения абсолютно универсальны, а семиотика в этом контексте, заявляет себя как всеобъемлющий взгляд на мир. Выводы Ч.С. Пирса позволяют увидеть процессуальную природу знака в его переходе от формы к форме, от интерпретанты к интерпретанте в процессах коммуникации, в итоге осуществляется процесс прояснения значения для достижения уверенности, выражающей себя в определенных правилах действий относительно объекта мысли.

Исследование проводится в рамках выполнения проекта по ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 2009–2013 гг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клюканов И.Э. Коммуникативистика как «мета-физика» // Коммуникации: метафизика и метадискурс: сб. статей / под ред. д-ра филос. наук, проф. С.В. Клягина, д-ра филос. наук, проф. О.Д. Шипуновой. — СПб.: Изд-во политехн. ун-та, 2010. — 228 с.
2. Марголис Дж. Первые прагматисты // Американская философия: сб. статей / под ред. А.Т. Марсубяна, Дж. Райдера; пер с англ. Л. Бугаевой [и др.]. — М.: Идея-Пресс, 2008. — С. 68–91.
3. Колапьеро В. Ч.С. Пирс, 1839–1914 // Американская философия: сб. статей / под ред. А.Т. Марсубяна, Дж. Райдера; пер с англ. Л. Бугаевой [и др.]. — М.: Идея-Пресс, 2008. — С. 121–156.
4. Houser N. Introduction to EP Volume 1 in book «The essential Peirce» [Electronic resource] // Peirce Edition Project. — Indiana University Purdue University Indianapolis. 2008. URL: <http://www.iupui.edu/~peirce/ep1/intro/eplintrx.htm> (дата обращения: 13.07.2008).
5. Апель К.-О. Трансформация философии: сборник: пер. с нем. / Карл-Отто Апель. — М.: Логос, 2001. — 338 с. — (Университетская библиотека).
6. Пирс Ч.С. Принципы философии: в 2 т. / Чарльз Сандерс Пирс; пер. с англ. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина. — СПб.: С.-Петерб. филос. о-во, 2001. — Т. 2. — 313 с. — (Серия «Горизонты феноменологии»).
7. Нёт В. Чарльз Сандерс Пирс // Критика и семиотика / ред. И.В. Силантьев, Ю.В. Шатин. — Новосибирск, 2001. — Вып. 3–4. — С. 5–32.
8. Барулин А. Н. Основания семиотики. Знаки, знаковые системы, коммуникация. Краткая предыстория и история семиотики (до Фреге, Пирса и Соссюра): в 2 ч. / А.Н. Барулин; науч. ред. С.Н. Кузнецова. — М.: Спорт и Культура, 2000. — Ч. 2. — 402 с.
9. Моррис Ч.У. Основания теории знаков // Семиотика: хрестоматия: учеб.-метод. модуль / под ред. Л.Л. Федоровой. — М., 2005. — С. 45–98.
10. Кронгауз М.А. Семантика. — М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. — 399 с.
11. Ивин А.А., Никифоров А.Л. Словарь по логике. — М.: ВЛАДОС, 1997. — 384 с.
12. Гусейнов А. А. Этика и мораль в современном мире [Электронный ресурс] // Этическая мысль: ежегодник. — Электрон. дан. — М., 2000. URL: <http://ethics.iph.ras.ru/em/em1/1.html> (дата обращения: 15.06.2009).

Поступила 24.01.2011 г.